

© 1991 г.

МЕЛЬНИЧУК А. С.

О ВСЕОБЩЕМ РОДСТВЕ ЯЗЫКОВ МИРА

Проблема генетических взаимоотношений между различными языковыми семьями в сравнительно-историческом языкознании никогда не занимала центрального места. После того как был научно осознан факт родства языков, образующих отдельные языковые семьи, в частности, семитических, затем индоевропейских, возникло гипотетическое представление о родстве между отдельными семьями языков, включая чаще всего индоевропейскую. Однако попытки обосновать такое родство предпринимались в течение ста с лишним лет лишь отдельными языковедами, находившимися, как правило, в стороне от основного направления индоевропейской компаративистики. Ведущие представители сравнительно-исторического языкознания по преимуществу оставались безучастными к таким попыткам, понимая недостаточность имевшихся лингвистических данных, которые могли быть для этой цели использованы.

Скептическое отношение к сравнению различных семей языков было обусловлено принципиальной неподготовленностью компаративистики к выходу за пределы отдельных языковых семей. В деле реконструкции компаративистика по существу остановилась на том уровне, который был достигнут младограмматиками. «В ожидании того, — писал А. Мейе, — что удастся сблизить с индоевропейской какую-нибудь другую группу языков (например, семитскую вместе с родственными ей так называемыми хамитскими языками, или угрофинскую, или кавказские языки) и таким образом объяснить происхождение индоевропейского языка, или что общая лингвистика нам даст новые точки зрения, мы можем пока только уточнять подробности уже добытых результатов, с учетом данных „тохарского“ и хеттского языков» [1, с. 468]. Позитивистский методологический принцип, согласно которому реконструкции представляют собой лишь условные знаки соответствий между реально наблюдаемыми фактами сравниваемых языков, стал преградой на пути научного проникновения в доисторические глубины структуры праязыка. Оставаясь на такой методологической основе, невозможно было реконструировать явления праязыка глубже периода его распада. Установленные младограмматиками звуковые законы, ставшие альфой и омегой индоевропеистики, при всей их научной обоснованности и строгости, ограничивались в основном именно этим периодом. За немногими методологически не осознанными исключениями, именно с такими исходными данными до последнего времени предпринимались опыты сравнения разных языковых семей. Первые проявления тенденции к отходу от традиционных позиций при сравнении разных языковых семей, в частности, отказ от реконструкции сложной системы вокализма для начальных этапов развития праязыков, обнаруживаются в недавно опубликованной книге Н. Д. Андреева [2], хотя и эта работа, охватывающая, к тому же, только три (по другой классификации — две) семьи языков — индоевропейскую, уральскую и ал-

тайскую, — в методологическом отношении еще мало чем отличается от предыдущих.

Особый аспект проблемы генетических взаимоотношений между языковыми семьями составляет вопрос о всеобщем родстве языков мира, предстающий в виде дилеммы «полигенез или моногенез языков». Как и проблема родства между языковыми семьями, этот вопрос может решаться только в одном плане — в направлении поисков положительных доказательств родства, поскольку отсутствие родства в данном случае никоим образом не может быть доказано. С привлечением конкретного лингвистического материала вопрос о всеобщем родстве языков рассматривался только в известных работах А. Тромбетти [3—4]. В этих работах использовались такие же лингвистические данные и применялись такие же способы их сравнения, как и в работах, касавшихся генетических отношений между ограниченным количеством языковых семей. Поэтому степень научной доказательности основного положения о всеобщем родстве языков мира, несмотря на привлеченный в них огромный фактический материал и на необыкновенную лингвистическую интуицию автора, оказалась минимальной и общая оценка этих работ со стороны лингвистической общественности осталась безоговорочно отрицательной. Г. Шухардт писал: «...вопрос о происхождении языка сам собой расчленивается следующим образом: моногенез (единое происхождение) или полигенез (множественное происхождение)? Тромбетти убежденно и настойчиво выступает за первый; впрочем, он не доказывает своего тезиса, потому что этот тезис вообще недоказуем» [5, с. 73]. В докладе о проблеме родства между большими языковыми семьями на III Международном конгрессе лингвистов (1935 г.) Н. С. Трубецкой заявил о своем сомнении «...в том, что когда-либо удастся убедительно и безупречно (с научной точки зрения) доказать родство индоевропейских с семитскими, уральскими или северокавказскими языками» [6, с. 61]. В связи с этим Х. Педерсен заметил, что «...здесь всякие пророчества являются преждевременными» [6, с. 62]. Тем не менее вопрос о моногенезе или полигенезе языков, составляющий один из наиболее важных разделов исторической лингвистики, после этого надолго был устранен из поля зрения исследователей.

В ходе проводившихся в последние годы разысканий, направленных на углубление этимологических исследований в индоевропейском языкознании, неожиданно были обнаружены своеобразные и убедительные фактические данные, красноречиво свидетельствующие о единстве происхождения всех современных языковых семей мира. Эти данные представляют собой ряд фонетически соотносительных и регулярно повторяющихся в языках каждой семьи обширных этимологических комплексов с большими пучками связанных между собой элементарных значений и со специфической, до сих пор не отмечавшейся сложной системой структурных вариантов корня, одинаковой для каждого этимологического комплекса. То, что эти регулярно наличествующие в языках мира данные до сих пор оставались незамеченными, объясняется длительным игнорированием некоторых формальных особенностей структуры корня, которые требуют последовательного учета их при сравнительно-историческом анализе языков наряду с общепризнанными звуковыми законами. Поэтому обзор фактических данных, свидетельствующих об изначальном родстве всех языковых семей, необходимо начать с перечня этих особенностей корневой структуры, восходящих к начальному этапу развития языков.

Первое место среди таких подлежащих учету особенностей структуры корня принадлежит давно уже отмечаемой в индоевропейистике возмож-

ности функционального параллелизма близких в артикуляционном отношении корневых согласных, различающихся, как правило, по какому-нибудь одному дифференциальному признаку и выполняющих одну и ту же структурную роль в близких вариантах практически единого корня. Речь идет о явлениях типа и.-е. **ghabh-/kap-/ap-* ('*ер-*) «хватать, брать» в лат. *habeo* «держу», греч. *ἄπτω* «хватая, глотаю», лат. *apīscor* «хватая, беру»; и.-е. **bhor̥k-/por̥k-* «свинья» в лат. *porcus* тж., др.-англ. *beorh* «боров»; греч. *κατ-/πεσ-* «падать» и др. Ряд примеров подобного параллелизма приведен в работах Г. Хирта и других авторов [7, с. 239—240, 298—305; 8, с. 1—16]. Компаративисты традиционного направления были склонны рассматривать такие параллельные корни изолированно друг от друга, не допуская их сближения. Однако представляется более правильным и целесообразным считать их вариантами генетически единого, но фонетически изменчивого корня. По отношению к индоевропейскому праязыку следует считаться с параллелизмом внутри трех групп согласных: заднеязычных и ларингальных *k/g/gh/k̂/ĝ/ġh/k̂/g̃/g̃h/H* (не менее трех ларингальных), переднеязычных (прорывных и щелевой-свистящей) *t/d/dh/s* и губных (прорывных) *p/b/bh*, вероятно, также носового *m*.

Аналогичный параллелизм согласных обнаруживается и в языках других семей, в том числе тех, на которые обычно распространяется гипотеза о родстве с индоевропейской семьей. Это явление в семитских языках сравнительно подробно рассмотрено С. С. Майзелем. В недавно опубликованной его книге выделяется четыре группы согласных, вступающих в структуру семитского корня в отношении параллелизма: губные *b/p (> f)*, *m*, *w*, переднеязычные *ḏ, ṭ, z, d, t, ṣ, s, š, ṣ, d*, заднеязычные и ларингальные *g, k, q, ḡ, ḥ, ʕ, ḥ, ʕ, h* и плавные *r, l, n* [9, с. 146—167]. Тюркские языки, представляющие в этом отношении поздний этап развития пратюркского языка, вычленившегося из алтайского праязыка, последовательную рефлексацию бывшего параллелизма согласных в структуре корня утратили в результате обобщения качества параллельных согласных в начале слова. Однако в различных тюркских языках сохраняется ряд случаев нерегулярной рефлексации согласных, главным образом, в виде необычной взаимозамены звонких и глухих согласных тех же трех артикуляционных групп [10, с. 28—30, 33; 11, с. 161, 163, 165, 172—175], которая, по всей видимости, отражает древнейший более последовательный параллелизм. Имеются в виду прежде всего факты типа тюрк. *кес-* «резать»: *кәз-* «рыть, копать»: кирг. *кет* «отломать, выщербить»; башк. тат. *кит* тж.; *ад-*: *аз-*: *аш-* «возбуждаться», *ид-*: *ит-*: *из-* «запах», *уд-*: *ут-*: *уз-* «сон»; азерб. *дојмаг* «насыщаться»: *тоз* «сытый», азерб. диал. *балта:палта* «топор»; тат. *игіз* «двойня»; *икі* «два», диал. *будак:пудак* «ветка», *дол:тол* «наполнять(ся)»; *дер:тер* «собирать, срывать»; чув. *иген* «хлеб, зерно»: *ак-* «сеять». Подобные явления отмечаются также в дравидийских [12, с. XI—XV] и в других языках.

Из отмеченных в данных языковых семьях фактов функционального параллелизма артикуляционно близких согласных в структуре этимологически тождественных корней необходимо сделать два вывода методологического порядка. Один из них заключается в том, что указанный параллелизм сам по себе свидетельствует о генетической связи соответствующих языковых семей и может рассматриваться в качестве одного из доказательств при дальнейшем уточнении количественного состава генетически связанных языковых семей. Второй вывод касается характера этимологических сопоставлений семантически родственных корней, принадлежащих к различным языковым семьям. В отличие от традицион-

ных сопоставлений внутри одной и той же языковой семьи, эти сопоставления должны проводиться не в виде установления одно-однозначного соответствия между определенными единичными согласными, а с учетом целых групп артикуляционно близких согласных, в рамках которых осуществляется функциональный параллелизм рассматриваемого согласного с другими в вариативной структуре этимологически единого корня. Это значит, что при наличии семантического родства сопоставляемых корней любой конкретный согласный — заднеязычный или ларингальный — в составе корня одной языковой семьи может быть признан соответствующим любому (не обязательно наиболее близкому в артикуляционном отношении) или нескольким согласным — заднеязычным или ларингальным — другой языковой семьи, если только они обнаруживаются в составе сопоставляемого корня. То же касается и вступающих в отношения функционального параллелизма согласных других артикуляционных групп. Уже Г. Мёллер и А. Кюни, без надлежащего теоретического обоснования, под давлением одних только неустраняемых фактов, во многих случаях действовали именно таким образом, что было воспринято как наиболее яркое проявление несостоятельности отстаиваемых ими гипотез. С требованием установления одно-однозначных соответствий между единичными согласными сопоставляемых корней из разных семей языков подходит к работам Мёллера и Кюни также и В. М. Иллич-Свитыч, хотя сам он в своей исследовательской практике допускает многократные отклонения от этого требования. «Главная ошибка концепции Мёллера, — пишет он, — лишь усугубленная в работах Кюни, состояла в том, что им было предложено такое количество фонетических соответствий между семитским и индоевропейским, что практически каждой семитской фонеме могло соответствовать до пяти-шести индоевропейских и обратно...» [13, с. 43]. Между тем трудно усмотреть какую-либо принципиальную разницу между критикуемым в данном случае подходом и допускаемой самим Иллич-Свитычем возможностью соответствия и.е. $\hat{k}$, k , k^u , $\hat{g}$, g , g^u , сем-хам. k , q , g и драв. k^c , k , g [13, с. 147, 149]. Следует ожидать, что сопоставительные материалы Мёллера и Кюни, после того как они будут пересмотрены под углом зрения современной теории, окажутся более добротными, чем это представлялось до сих пор.

Не менее важное значение для методологии сопоставления языков разных семей имеет учет обнаруживаемых в них остатков ряда древнейших инфиксов. Ощущение системности языка само по себе, интуитивно, вызывает мысль о том, что инфиксация в праязыке (в частности, индоевропейском) не могла ограничиваться одним инфиксом $-n-$. Но конкретным исследованием соответствующего материала долгое время никто не занимался. В 1971 г. была посмертно опубликована книга Г. Карстина об индоевропейских инфиксах [14], содержащая наряду с правильными наблюдениями много непроверенного материала и ряд сомнительных утверждений. К сожалению, в специальной литературе эта работа получила критическую оценку, касающуюся не столько рассматриваемого в ней вопроса, сколько самого авторского подхода к нему. А между тем факты убедительно свидетельствуют о правильности этой идеи. Речь идет о таких формальных соотношениях в структуре ряда индоевропейских корней, как и.е. $*ged-$ / $gend-$ / $geld-$ «хотеть, желать» в литов. $gedáuti$ «желать», прасл. $žedati$ (< $*g^hndati$) «желать, жаждаť», $*z^hldēti$ «жаждаť», $*goldati$ «голодаť» или и.е. $*meg-$ / $mog-$ «тянуть, тащить», $*mrg-$ / $mṛk-$ «тянуть, затягивать облаками, закрывать», $*mlg-$ / $mḷk-$ «затягивать облаками,

тянуть», **młg'* - / *młk'* - «доить, сосать» в различных индоевропейских языках.

Подобно индоевропейским языкам, значительное количество остатков древних инфиксов *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-* обнаруживают тюркские и семитские языки. В семитских языках эти инфиксы получили в большинстве случаев вокализацию (*-ra-*, *-ri-*, *-la-* и т. д.). Ср. араб. *ħaffa* «стричь, обрезать»: *ħarf* «лезвие, острый край»; *faša* «распространяться»: *farāša* «простира́ть, расстилать»; *taraba* «порицать»: *talaba* тж.; *ħafala* «собираться», *ħifaz* «связка»: *ħalafa* «вступать в союз, объединяться»; *ħaqida*, *ħaqada* «питать ненависть»: *ħaniqa* «неистовствовать, сердиться»; *ġala* «чистить; становиться ясным»: *ġamala* «делать красивым» и мн. др. Примеры из тюркских языков, взятые из словаря В. В. Радлова и, в некоторых случаях, из этимологического словаря Э. В. Севортяна, здесь и далее в статье, за исключением редко встречающихся фактов, приводятся без обозначения отдельных языков, в которых они отмечены: *daġa* : *darġa* «расходиться»; *ġetir/кетир* : *kelmir* «приносить»; *aġ* (ы : ɾ) «течь»: *alqın* «поток» (тат. диал., аз. диал.), *alqm* «стекание воды из водоема» (аз. диал.); *baġ* «смотреть»; *balq* «сверкать» (туркм., тур. диал.); *bek* : *berk* (кирг.) «крепкий»; *tegelek* «колесо, круг, кольцо»: *doŋgölök* «колесо; круглый»; *qabar* «надуваться; пузырь» (тур.), *qabaryq* «опухоль» (тур.); *qambyl* (тур.), *qambyr* (крым.-тат., тур.) «горб», *qamñay* «надуться, пухнуть» (каз.) и др. (см. ниже; в тюркском языкознании вопрос об инфиксации не выдвигается).

В случае признания родства трех рассматриваемых здесь языковых семей для обнаруживаемых в них следов древней инфиксации необходимо предположить общее происхождение. Отсюда следует, что и при рассмотрении других семей языков с этой точки зрения наличие в них явлений инфиксации может учитываться в качестве одного из свидетельств их изначального родства с индоевропейскими, семитскими и тюркскими языками. В этом плане обращает на себя внимание прежде всего малайско-полинезийская семья языков, в которой инфиксация представлена в настоящее время шире, чем в других языках мира. Однако пережитки древней инфиксации в различной степени прослеживаются в каждой языковой семье, и их надлежащий учет является вместе с тем, как и учет множественных звуковых соответствий, одной из важных предпосылок углубления этимологических исследований.

С вопросом об инфиксации в различных языковых семьях тесно связан вопрос о происхождении в них качественных различий гласных *a*, *e*, *i*, *o*, *u*. Раскрытие этой связи начинается с рассмотрения фонетической природы пережиточно сохраняющихся инфиксов — *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*. Все это — сонорные согласные, отличающиеся наибольшим среди согласных запасом звучности. Вместе с тем обращает на себя внимание факт отсутствия среди сохранившихся остатков инфиксов двух самых активных во всех языках сонорных — *i* и *u*, а также близкого по звучности к сонорным ларингального (или фарингального) *h*. Проведенное на материале индоевропейских языков исследование [15] показало, что многократно наблюдающийся функциональный параллелизм гласных *e* и *i* в структуре этимологически тождественных корней (типа прасл. *berq* : **bīrati*, греч. ἵππος «конь»: лат. *equus* тж.) объясняется происхождением обоих гласных из единого в прошлом звукового элемента — сонанта *i*, а аналогичный параллелизм гласных *o* и *u* (прасл. *zovp* : **zūvati*, лат. *uterus* «живот»: греч. ὄδερос тж.) обусловлен их общим происхождением из сонанта *u*. Такое развитие могло иметь место только в условиях первоначального отсутствия качественно различающихся гласных фонем, когда слова состояли из од-

них согласных силлабофоне́м, каждая из которых включала лишь качественно неопределенный гласный призвук, усиливавший ее звучание (тип $t\wedge i\wedge$, где t — любой согласный, а $\wedge$ — неопределенный гласный призвук). В этих условиях сонорные i и u , попадая в позицию после согласного ($t\wedge i\wedge$, $t\wedge u\wedge$), в том числе и в качестве инфикса ($t\wedge i\wedge t\wedge$, $t\wedge u\wedge t\wedge$), постепенно растворялись между двумя соседними гласными призвуками (своим и принадлежавшим предшествующей силлабофоне́ме) и вместе с ними превращались в качественно различные гласные звуки. При этом на их формирующееся качество в протоиндоевропейском языке влияло размещение ударения в слове: акцентуационные варианты $t\wedge i\wedge$, $t\wedge u\wedge$ развивались в *te*, *to*, а варианты $t\wedge i\wedge$, $t\wedge u\wedge$ — в *ti*, *tu*. Гласный *a* мог возникнуть лишь на основе ларингального (фарингального) согласного *h* из сочетания силлабофоне́м типа $t\wedge h\wedge$ независимо от места ударения. Это произошло, по-видимому, уже до начала формирования гласных *e*, *i*, *o*, *u* на основе сонорных i , u .

Подобно индоевропейским языкам, сонанты i и u как остатки древних инфиксов непосредственно не обнаруживаются также и в тюркских и семитских языках. Это дает основание считать, что и здесь они легли в основу образования новых, до того отсутствовавших гласных фонем. Поскольку для семитского (и, как считают некоторые исследователи, и для тюркского или еще алтайского) праязыка реконструируется первоначальная система гласных в виде треугольника $i - u - a$, можно сделать вывод, что сонант i растворился здесь в гласном *i*, а сонант u — в гласном *u*. При этом, в отличие от соответствующего процесса в индоевропейском праязыке, формирование гласных *i* и *u* в семитском (или афразийском), как, по-видимому, и в эскимосско-алеутском праязыках, проходило независимо от места ударения на гласных призвуках, предшествовавших сонанту или следовавших за ним. Предположение трехчленного характера первоначальной системы вокализма для тюркского праязыка не представляется надежно обоснованным.

Считается, что до появления гласных *i* и *u* в афразийском праязыке уже существовал открытый гласный *a*, противопоставлявшийся закрытому гласному (скорее же неопределенному гласному призвуку) ə [16, с. 9]. Если сопоставить это мнение с высказанным раньше предположением о времени возникновения первоначального *a* в индоевропейском праязыке [15, 5, с. 14—15], то в случае признания родства соответствующих семей языков можно сделать вывод, что гласный *a* возник на основе слабого, рано исчезнувшего ларингала еще в начальном праязыке, до выделения из него праязыков современных языковых семей, между тем как остальные гласные — *e*, *i*, *o*, *u* — развивались уже в праязыках отдельных языковых семей. Такой вывод означает, что попытка реконструкции для ностратического праязыка сложной системы вокализма должна быть признана беспредметной, а стремление ограничить сопоставление слов, принадлежащих к различным языковым семьям, какими-то закономерными соответствиями гласных — необоснованным.

Еще одна особенность структуры корня, которую необходимо учитывать при реконструкции древнейших состояний праязыков различных семей, заключается в возможности метатезы согласных, входивших в состав двухслогового корня. Ряд соответствующих примеров из индоевропейских языков приведен в сравнительной грамматике Г. Хирта: прасл. *dъno* < **dubno* «дно», лтш. *dubens*, *dibens* тж.: н.-в.-нем. *Boden*, греч. $\pi\acute{o}\delta\mu\eta$ тж.; др.-инд. *dehmi* «обмазываю», *dehi* «вал, насыпь», греч. $\tau\epsilon\iota\chi\omicron\varsigma$

(τοιχος) «стена, вал»: прасл. *zъdati* (**ǵīdati*) «строить», *zъdъ* «стена»; греч. μορφή «форма»: лат. *forma* тж.; лат. *favus* (<**bhau-*) «пчелиный сот»: др.-в.-нем. *waba* тж.; литов. *dažias* «огород»: *žaĩdis* «загон, огороженное место для телят» [7, с. 309]. Многочисленные случаи метатезы согласных в корнях современных тюркских языков представляют собой в основном новое явление. Однако и здесь встречаются такие пережитки древнего состояния, как тюрк. *qat* «присоединять, добавлять»: *taq* «присоединять, прицеплять»; *qıç* «резать, кроить»: *çaq* «косить»; тюрк. *qop* «набухать», *qop* «пухлость, вздутие»: др.-тюрк. *būq* «опухоль, нарыв», *boyuq* тж. и др. О метатезе корневых согласных в семитских языках подробно говорится в упоминавшейся работе С. С. Майзея, в которой приведены следующие примеры: араб. *d's* : 'ds «топтать»; *qjw* : *fqw* «идти по следам, следовать»; *zhm* «сдавливать, сжимать, теснить»: *hzm* «затягивать веревками, ремнями»; *štm* «закрывать, заделывать (дверь)»: *štm* «иметь запор, несварение желудка»; араб. *šhf* «сдирать кожу» : евр. *hšp* «сдирать кору» и мн. др. [9, с. 175, 181—182].

Уже само количество перечисленных структурных особенностей, касающихся одной и той же единицы языковой системы — лексического корня — и последовательно обнаруживающихся в каждой из сопоставляемых языковых семей, исключает возможность объяснения их присутствия в различных семьях как случайного совпадения чисто типологического характера. Но этим не исчерпываются свидетельства рассмотренных явлений в пользу родства различных языковых семей. В последнее время было обнаружено, что все перечисленные здесь структурные особенности играют большую роль в организации повторяющихся во всех языковых семьях мира обширных этимологических комплексов с настолько сложной и своеобразной и вместе с тем изоморфной для каждого комплекса внутренней структурой, что это не может быть объяснено никакими другими причинами, кроме как изначальным и, ввиду этих фактов, абсолютно несомненным родством всех языков мира. Речь идет об этимологических комплексах, большинство которых первоначально было выделено на материале индоевропейских языков в виде десяти различных по конкретному составу, но изоморфно организованных групп корневых вариантов с их производными (см. [17]). Изоморфизм всех этих групп заключается в том, что каждая из них организуется вокруг одного из элементарных, не осложненных инфиксом двусогласных корней, в которых роль одного из звуковых компонентов выполняет согласный *s* или его функциональный вариант (*t*, *d* и т. п.), а в роли другого компонента выступает представитель одной из остальных групп артикуляционно близких согласных, который в других вариантах того же корня может быть замещен каким-нибудь другим из представителей той же группы согласных, причем в различных вариантах корня оба корневых согласных могут меняться местами, между ними может появляться один из инфиксов — *-i-* (в виде гласного *e* или *i*), *-u-* (в виде гласного *o* или *u*), *-H-* (в виде гласного *a*), *-r-*, *-l-*, *-m-* или *-n-*, а компонент *s* или функционально равноценный ему согласный в некоторых вариантах корня может отсутствовать (в индоевропейском это известно как явление «беглого *s*»). В ходе проведенных затем исследований оказалось более целесообразным в качестве основного варианта второго компонента таких двусогласных корней рассматривать не целевой *s*, а взрывной *t*.

Наиболее обширным во всех языковых семьях, как по количеству звуковых разновидностей перечисленных структурных вариантов корня, так и по кругу выражаемых в каждом языке взаимосвязанных значений, яв-

ляется этимологический комплекс, группирующийся вокруг элементарного корня **kt-/tk-* (праяз. *kΛtΛ/tΛkΛ*) и его вариантов. Некоторая часть лексического материала индоевропейских языков, принадлежащего к этому этимологическому комплексу, была приведена уже в статьях [17, 18]. Поэтому здесь соответствующий материал воспроизводится лишь выборочно, зато он дополняется такими структурными вариантами и значениями, которые раньше не были учтены.

В индоевропейских языках этимологический комплекс с элементарным корнем **kt-* и всеми его структурными и звуковыми вариантами охватывает следующий круг взаимосвязанных значений: «бить, уничтожать, долбить, рубить, резать, раскалывать, прокалывать, кусать, есть, печь, гореть, болеть, копать, рыть, пахать, рвать, обдирать, скрести, чесать, острить, трогать, тыкать, топтать, гасить, скакать, прыгать, бежать, падать, метать, валять, катить». Приводимые дальше индоевропейские примеры из этого этимологического комплекса распределены по корневым вариантам.

Варианты **kt-* (*<kΛtΛ*), **ghd-*, **'d-*, **ks-*, **ghs-*, **'s-*: др.-инд. *kṣaṇóti* «ранит», *kṣáyati* «уничтожает», *kṣáyati* «горит», *kṣúdhya* «голодает», *kṣudráh* «малый», *kṣṇáuti* «острит, точит», *ksuráh* «бритва», *kṣáláyati* «обмывает, чистит», *kṣáratī* «течет», *kṣvélati* «прыгает», *kṣipáti* «мечет, бросает», *kṣódati* «дробит, растаптывает», *-gdhi* «прием пищи», *-gdha* «едящий», *dan* (*<*'de-*) «зуб»; греч. *κτείνω* «умерщвляю», *κτεís* «гребень», *ξέω* «скоблю», *ξυρόν* «бритва»; лат. *dens* (*<*'de-*) «зуб», *serra* (*<*'se-*) «пила», *sentis* «терновник»; прасл. *xa(ja)ti* (*<*ksa-*) «чистить; трогать», *xytiti* (*<*ksū-*) «хватать», *xudъ* (*<*ksou-*) «худой», *x(v)orъ* (*<*ks(u)o-*) «больной», *šipъ* (*<*ksi-*).

Варианты с теми же и близкими им согласными *k-t*, *k-d*, *k-dh*, *k-s*, *k-t*, *k-d*, *k-dh*, *k-s*, *k^u-t*, *k^u-d*, *k^u-dh*, *k^u-s*, *g-t*, *g-t*, *g^u-t*, *gh-t*, *gh-t*, *g^u-t*, *H-t* и т. д. и с огласовкой в виде корневых гласных *a*, *e*, *i*, *o*, *u* (тип *ket-*, *kot-*, *kit-*, *kut-*, *kat-*, *ked-*, *kes-* и т. д.): др.-инд. *kaṭúh* «острый, едкий», *cātvālah* «углубление, дыра», *kadanam* «уничтожение», *vi-kaś-* «раскалываться», *kuṣṭham* «проказа», *sātáyati* «изрубают, повергает, отрубает», *śas-* «убивать (скот), вырезать (людей)», *khaṭaḥ* «мотыга, плуг», *khāṭih* «шрам», *khādati* «кушает», *khadā* «яма», *khaḍgáh* «меч», *khasaḥ* «чесотка», *jāsayati* «ослабляет, гасит», *gudáh* «кишка», *ghaṭaḥ* «кружка, горшок», *ghaṭṭáyati* «трогает, шатает», *ghāsati* «поедает, ест», *ūthati* «сражает», *ādmi* «ем», *asīh* «меч», *asidaḥ* «серп», *āsthi* «кость»; авест. *kasu-* «малый», *ātarš* «огонь»; перс. *kih* «малый»; хет. *kist-* «гаснуть», *haštai-* «кости»; тох. АВ *kes-* «гаснуть», греч. *κοτύλη* «чашка», *χότος* «гнев, злоба», *χάδος* «сосуд для жидкостей», *χερχέον* «костра, пакля», *χεστρα* «остроконечный молоток», *χεάω* (*<*kesa-*) «раскалываю», др.-макед. *τοδα* «внутренности»; лат. *catinus* «миска, глиняная чаша; пещера», *cado* «падаю», *castro* «обрезаю», *hasta* «копье», *hostia* «жертва», *edo* «ем», *utérus* «живот; матка», *asilus* «овод»; ср.-ирл. *cess* «копье»; др.-исл. *kitla* «щекотать», гот. *itan* «есть», др.-в.-нем. *hadara* «обрывок», *hadu* «борьба», англ. *cut* «резать»; литов. *kedėti* «треснуть», *gesyti* «гасить»; прасл. *katъ* «палач; несчастье», *kotiti* «катить» (*<*валять*), *kotora* «распря, борьба», *četiъ* «число» (*<*зарубка*), *kydati* «бросать», *kosnpti se* «коснуться», *kosa* «коса (орудие); коса волос», *kostra* «костра», *kostъ* «кость», **kyša* (*kyšъka*) «кишка» (*<*выпущенные внутренности*), *časati* «чесать», *časъ* (*<*kēs-*), «час», *čaša* (*<*kēsja*) «чаша», *goditi* «бросить, попасть в цель», *gasati* «бегать, прыгать», *gasiti* «гасить», *edlъ* «ель», *ostъ* «ость; рыба кость», *esepъ* «осень» (*<*жатва*).

Варианты с теми же корневыми согласными и инфиксами *-r-*, *-l-*, *-m-*,

-n- (тип *krt-*, *klt-*, *kmt-*, *knt-*, *krd-*, *krs-* и т. д.): др.-инд. *krtih* «кинжал, нож», *krttaḥ* «обрезанный», *krdhūh* «укороченный, обрубленный», *kuḍayati* (<*kurd-) «жжет», *krṣāti* (*karṣati*) «пашет», *khardati* «кусает; колет», *gārjaḥ* «яма, дыра», *gharṣati* «трет», *kaṭambah* (<*kolt-) «стрела», *kānta(ka)ḥ* «шип, колючка», *kuntaḥ* «копье», *cūṇṇati* (*chinātti*) «отрезает», *kāṇḍaḥ* «отрезок, часть; стрела», *kaṇḍarāḥ* «пещера; ущелье», *kaṇhūḍ* «зуд, чесание, кусание», *kūṇḍatē* «горит», *candaḥ* «обрезанный», *gandhāyate* «ранит»; хет. *karš-* «обрезать»; тох. А. *kāršt-*, В *kāršt-* «обрезать; разрушать»; греч. *κῦρδαλος* «деревянный гвоздь», *καρδία* (*кардиῆ*) «сердце; желудок; мякоть внутри растений», *ἄρδις* «острие стрелы; колючка», *κλαδᾶρος* «хрупкий», *κλάδος* «ветвь», *κεντέω* «колю», *κοντός* «жердь; копье», *κναιώ* (*κνάσαιω*) «скрести, царапать, зудеть», *κνῶζα* (*κνῶσα*) «чесотка», *χανδάνω* «хватаю», *ἄντρον* «пещера», *ἀντήρ* (<*ṇdhēr-) «ость; острие»; лат. *carduus* «чертополох», *carro* (<*carso) «чешу», (сабин.) *hernā* (<*ghersno-) «скала», *clades* «ранение; ущерб», *vultur* (<*g^ultur) «коршун», *ensis* «меч»; др.-исл. *krota* (<*gr-) «врезать, вгравировывать», гот. *grēdus* (<*ghērdh-) «голод», др.-в.-нем. *harst* «грабли», *krazzōn* «царапать», швед. *gers* «ерш», др.-в.-нем. *hantag* «острый», *chanta* «кувшин»; литов. *kaṛšti* «чесать», *gāldyti* «тереть», *guldyti* «кастрировать», *kumšėti* «толкнуть в бок», *knisti* «рыть», *kąsti* (*kāndu*) «кусать», лтш. *kaṁstīt* «дергать, драть, кусать»; праслав. *kortькъ «короткий», *k^oṛšakъ «коршун», *krъxa* «кроха», *s^oṛdyce (<*k^ord-) «сердце», *gordъ «огород; город», *ž^ordъ «жердь», *kolda «бревно (<*обрубок)», *koldivo «молот», *goldъ «голод», *ž^olděti «жаждать», *kṛsati* (<*konds-) «кусать», польск. *kądek* «кусочек».

Варианты с обратной последовательностью согласных без огласовки (*tk-* (<t/k/), *sk-*, *sgḥ-* и т. д.): др.-инд. *skunōti* «надрезает, продырявливает»; авест. *skənda* «разрушение, разлом; недуг»; греч. *τίκτω* (<*ti-tx-ω) «рождаю», *σκέδαυνμι* «разбиваю на куски», *σκάλλω* «копаю, рою», *σκήρος* «каменный осколок», *σβέννμι* (<*sg^uhe-) «тушу, гашу», *σχιζω* (<*sg^hi-) «раскалываю, рассекаю, вспахиваю»; лат. *scabo* «чешу; скоблю, скребу», *scalpo* «царапаю, скребу, чешу; вырезаю, долблю»; ср.-нрл. *scian* «нож»; литов. *skėlti* «раскалывать», *skūsti* «брить; чистить, скрести»; праслав. *skala*, *skrebtī «скрести», *sk^oṛbь «скорбь», *sč^oṛbiti «щербить», *skv^oṛna «мерзость», *skuka*, *sčⁱpati «щипать», *sč^emiti «щемить; ныть», *oskoma*.

Варианты с обратной последовательностью согласных и с огласовкой (*tek-*, *tok-*, *tik-*, *tuk-*, *tak-*, *dek-*, *sek-* и т. д.): др.-инд. *tākṣati* «изготавливает, плотничает, обтесывает», *takti* «спешит, устремляется», *dāhati* «горит», *dāti* (<*da'-) «отрезает, косит; разделяет», *dhakkayati* «губит, уничтожает», *sāktuḥ* «мука грубого помола», *sikatā* «гравий, песок», *sāhate* «одолевает, побеждает», греч. *τέκτω* «плотник», *τόξον* «лук и стрелы», *τόχος* «каменный топор»; лат. *taho* «ощупываю, трогаю», *texo* «тку; строю», *tignum* «строительное дерево, балка, брус», *figo* (<*dheig-, *dhīg-) «вбиваю, втыкаю», *sacēna* «мотыга жреца», *saxim* «жертвенный нож; скала», *seco* «срезаю, стрижу, раскалываю, секу, бичую», *secūris* «топор, боевая секира», *sagax* «острый», *sagitta* «стрела», *seges* «посев», *sēmen* (<*se'm-) «семя»; гот. *tahjan* «рвать, дергать», *sigis* «победа», др.-в.-нем. *dēhsa(la)* «тесла», *dahhazzen* «пылать», *sega* «пила», *sāmo* «семя», н.-в.-нем. *Zacke* «зубец, зазубрина»; литов. *tekėti* «течь, бежать», *dėgti* «гореть, жечь», *į-sėkti* «вырезать»; праслав. *īkati* «ткать, втыкать», *dělъ* (<*de'l-) «часть», *sekyra* «топор», *sē-(ja)ti* (<*se'-) «сеять».

Варианты с обратной последовательностью согласных, осложненных инфиксами -r-, -l-, -m-, -n-: др.-инд. *tārhaṇa-* «раздробляющий», *srkā-* «ост-

рие», *srkaṇḍuh* «зуд, чесотка», *srjāti* «отправляет, выстреливает; выливает», *sraktīh* «конец, острый зубец», *dañksnūh* «кусающийся»; тох. АВ *tšark* «мучить», греч. *τέρχος* (*trēxvos*) «росток, ветвь», *τόργος* «коршун», *τρυάω* «убираю, срезаю, срываю», *τρώω* «грызу, ем», *τρέχω* «бегу, спешу», *δάρες* «пута» (при *δράσσομαι* «хватаю»), *ἔλκος* «рана», *δάκνω* (<**dṛk-*) «кусаю, грызу, колю», *διγγάνω* «касаюсь, дотрагиваюсь»; лат. *tergeo* «тру, чищу», *trāgula* «метательное копьё», *sarculum* «шило», *fals* «серб, коса», *sulco* «пашу», *tingo* «прикасаюсь; глажу»; др.-ирл. *delg* «шип, шпилька», кимр. *talch* «обломок; зерно для помола»; др.-исл. *þjarka* «бранить», *dālkr* «булавка для одежды; кинжал, нож», гот. *þragian* «бежать», др.-англ. *dolg* «рана», *sulh* «борозда; плуг», *sengan* «жечь», др.-в.-нем. *zanga* «клещи», *zangar* «кусающий, острый»; литов. *télžti* «бросить; ударить», *daļgus* «коса», лтш. *dañga* «угол»; праслав. **tṛkati* «трогать», **tṛgati* «дергать», **tṛzati* (<**tṛg-*) «терзать», **tṛkati* (**tolkti*) «толкать, толочь».

Представленный здесь этимологический комплекс с элементарным корнем **kt-* в его многочисленных вариантах, установленный на материале индоевропейских языков, находит этимологические идентичные соответствия в виде изоморфных ему комплексов во всех выделяемых в настоящее время языковых семьях, за исключением койсанской (бушменско-готтентотской), обнаруживающей более простое состояние соответствующего комплекса. Этимологическая идентичность рассматриваемых комплексов в разных языковых семьях проявляется в общем фонетическом соответствии двух согласных компонентов корня, один из которых всегда принадлежит к числу согласных заднеязычных или ларингальных (в основном исчезнувших), а другой является согласным переднеязычным; в случае же наличия инфикса его роль всегда выполняет один из сонантов (*r*, *l*, *m*, *n*). Эта идентичность обнаруживается также для каждой языковой семьи в тождестве исходной семантики всего комплекса или в явных семантических связях между его отдельными частями в различных семьях. Отдельные языковые семьи различаются между собой лишь количеством вариантов шумных согласных компонентов корня и несущественными оттенками в их конкретной фонетической природе. Структурная изоморфность соответствующих этимологических комплексов во всех языковых семьях (кроме койсанской) заключается в последовательном повторении по семьям одних и тех же перечисленных выше особенностей структурных вариантов корней — структурного параллелизма артикуляционно близких согласных, двоякого порядка следования согласных компонентов в этимологически родственных корневым вариантах, возможности наличия различных инфиксов в виде сонорных согласных и связанного с первоначальной инфиксацией параллелизма качественно различной (включая нулевую) огласовки корневым вариантам.

Получить надлежащее представление о действительном характере обнаруживаемых в данном случае межъязыковых отношений можно лишь на основе обзора конкретных фактов. Из огромного количества этих фактов здесь приводится крайний минимум наиболее простых и прозрачных примеров по каждой языковой семье, не нуждающихся в дополнительных комментариях. Более обстоятельное рассмотрение имеющегося материала предполагается провести в готовящейся монографии.

В настоящем обзоре на первом месте среди неиндоевропейских языков приводятся факты урало-алтайской языковой семьи. Объединение под этим названием в обзоре таких языковых группировок и отдельных языков, как тюркские, монгольские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, самодийские, японский, не означает принципиального принятия одного

из двух мнений в продолжающейся дискуссии по еще не вполне назревшему вопросу о подробностях генетических отношений между этими языками; объединение обусловлено здесь прежде всего стремлением к большей компактности изложения.

В урало-алтайских языках древнейшие (ностратические) двусогласные корневые варианты типа **kt-*, **ks-* без огласовки (не говоря уже о сочетаниях с исчезнувшими во всех позициях ларингальными) подверглись последовательному упрощению, в результате которого сохранились только вторые компоненты этих корней в виде *-t-*, *-d-*, *-c-*, *-č-*, *-s-*, *-z-*, *-š-*, *-ž-*. Ср. тюрк. *таш* «камень», *теши* «заступ» (кирг.), *теш* «продырявить, проткнуть, пробить», *төй* «толочь» (тат.), *диш* «зуб», *сай* «вонзать, прокалывать», *сой* (*суй*) «заколоть (животное); содрать кожу», *сы* «разбить, испортить», *шā* «вбить клин» (алт.), *шев* «обрыв, овраг» (тур.), *шайи* «крошиг» (узб.), *шийин* «черта, линия» (шор.); монг. *чичих* «проткнуть, проколоть», *цоочих* «продырявливать, прокалывать»; калм. *дәш* «наковальня», *савх* «стегать, бить, взмахивать»; фин. *tuska* «боль, мука», *säila* «клинок», *sauva* «посох», *seiväs* «шест», *sysiä* (*sysätä*) «толкать»; *syödä* «есть»; коми *тоин* «пест», *дой* «боль»; ушиб, травма», *шы* «копые, рогатина, штык»; тунг.-маньчж. ¹ *тавит-* «ковать», *tāj-* «грызть», *dā-* «заразиться», *dō* «нутро», *савар* «коготь», *сај-* «вбивать», *сй-* «гасить; убить»; ненецк. *таець* «занозить», *тайдō(сь)* «треснуть», *тись* «причесать, расчесать», *савак* «острый», *сайны* «клык», *саюв* «войско, боец»; яп. *таори* «отломать, сорвать», *таосу* «валить; убивать», *теоі* «рана», *савари* «прикасаться, трогать».

Корневые варианты *ket-*, *kes-* с различными корневыми гласными: тюрк. *қатар* «колоть копьем, пикой, метать дротик» (узб.), *қотур* (*қутыр*, *қодур*) «короста, струп, золотуха», *қым* «отрезать» (узб.); часть, сторона (тур.), *қадал* (*қазал*) «уколоться, быть воткнутым», *қыч* «царапать» (узб.), *кич* «малый, незначительный, немногий» (тур.), *кес* «резать», *кис* «резать, рубить, кроить» (тат.), *қосақ* (*қозақ*) «лопата» (алт.), *кезек* «часть, кусок, отрезок; обрезок, ветвь», *қазы* «копать (тат.); царапать (тур.)», *күс* (*күз*) «осень», *ат* (< **at*) «бросать, махать; стрелять; зазубриться», *ет* «мясо, говядина», *отун* (*одун*, *одын*) «дрова», *өт* «время, пора» (др.-тюрк.), *ытқы* «струг» (тат. диал.), *ити* «острый, заостренный», *үт* «быть, острым» (тат.), *үтте* «просверлить, продеть» (алт., хак., шор.), *өч* (*үч*) «потухнуть; погасить; гибнуть», *ич* «внутренности, потроха», *уч* «острый конец; концев», *ыс-* «тереть, полировать; выстругивать; сечь (саблей); чесать; гладить», *ысыр-* «кусать; грызть, есть; резать» (тур., крым-тат.), *ытыр-* тж (як.), *аз* «малый», *азман* (*азбан*) «кастрированный», *азы* «клык, зуб», *азык* «съестные припасы, корм», *ез-* «мять, давить, толочь, молоть; царапать; побить», *аш* «пища, еда», *еш-* «рыть, копать; распарывать; долбить; сгребать, грести»; монг. *гадас* «кол, колышек, свая», *гацуу* «кол», *годоь* «стрела», *гасна* «пешня, лопаточка», *гээзг* «коса волос», *хутга* «нож», *хад* «вонзать; скала, утес», *хадах* «подрезать; косить, жать; пришивать», *хадуур* «коса, серп», *худаг* «колодец», *хасах* «срезать, обрезать, сокращать», *хусах* «брить; скрести, скоблить», *хазак* «кусаться», *ат(ан)* «кастрированный верблюд», *идех* «есть; изъедать, подтачивать», *удрах* «пороть, распарывать», *осгор* «трещина, щель»; калм. *кесгх* «разделять, разрезать на куски», *кизер* «обрезки; граница, рубеж, край», *кошур* «большая булавка», *куш* «труп; отходы, отбросы», *хасы* «кол», *хад* «скала, утес», *хадасы* «гвоздь», *хадач* «косарь, жнец», *хадх(ч)* «прибивать, пришивать; жать, косить», *хусг* «кусок, ломоть; скоблить, брить», *хусур* «скребок, бритва»; фин. *kaata* «валить, вы-

¹ Материалы тунгусо-маньчжурских языков даются по [19].

рубать», *katkoa* «ломать; обрывать», *katoa* «исчезать, теряться», *kato* «потеря, утрата; неурожай», *kitua* «хиреть, страдать», *kutita* «чесаться, зудеть», *kiskoa* «дергать, рвать», *koskea* «трогать, касаться», *kuosi* «фасон, покрой», *atulat* «щипчики, пинцет», *otella* «бороться, ругаться», *ase* «оружие, орудие», *iskeä* «ударять», *osa* «часть, доля»; коми *кес* «клещи, щипцы», *кеслынь* «точить, острить», *кось* «бой, сражение, драка», *косьны* «драть, свежевать, лупить», *кыш* «скорлупа, лузга, кожура», *гыжны* «писать», *гыжнитны* «черкнуть, царапнуть», *гыж* «ноготь, коготь; копыто», *гыжна* «царапина», *есь* «острый, острие», *ожын* «долото»; тунг.-маньчж. *кото* «рогатина (нож)», *када* «вбивать», *қочај* «скребок», *кучэ(н-)* «нож», *каси-* «рвать», *касу* «мясо вяленое», *кису* «нож», *кисү-* «скоблить», *кйськён* «кость», *кисү-* «биться, драться», *кэси-* «вырезать», *қасү-* «срезать», *гёсадан* «стружки», *хүдүг* «колодец», *хэдү* «сыпь, короста», *хисха-* «точить», *хусукта* «короста», *хутамй-* (*хус-*) «стричь», *хисмат-/ч-* «проколоть», *хисэ* «камень», *асу-* «укусить», *ашу-* «жевать», *искэмэ* «гвоздь», *исэгдин* «охотник», *осү-* «царапать», *өс-* «дергать», *уси(н-)* «пашня», *усэ* «оружие», *усули* «стрела»; ненецк. *хутай(сь)* «стукнуть, ударить сразмаху», *хада* «ноготь, коготь», *хада(сь)* «убить, добыть (рыбу, зверя)», *хадёцъ* «оцарапать, почесать», *хадер* «рана, повреждение», *хасъ* «умереть, погибнуть, пропасть; сломаться», *едёцъ* «болеть», *едте(сь)* «угодить, попасть; прицелиться; наткнуться», *есъ* «больно; быть больным», *есяцъ* «выстругать ножом»; яп. *katana* «меч, сабля, шашка, нож», *katawa* «увече; калек», *kataware* «осколок», *kattai* «проказа», *ketsu* «отверстие, дыра», *kitae* «ковка», *kudaku* «разбивать, толочь», *kasuru* «царапнуть, задеть, прикоснуться», *kesu* «стирать, вычеркивать; убивать; тушить», *kusakaki* «мотыга», *kusakari* «сенокос; косарь», *kushi* «вертел, шампур; расческа, гребешок», *kizu* «рана, царапина, ушиб», *kizami* «крошить, рубить, нарезать, высекать», *hitoate* «удар», *hitsuri* «царапина, шрам», *hazeru* «лопаться, раскалываться», *hasai* «разбить, разбиться», *hasaki* «острие», *hasami* «ножницы», *hashika* «корь», *heshioru* «ломать, разбивать», *ataru* «попадать (в), ударяться; болеть; натирать», *ate* «цель», *itai* «больно, болит; останки, труп», *uchinuki* «пробивать, просверливать», *utsu* «бить, ударять; забивать; стрелять», *usi* «ступка, жернов», *azami* «будяк, осот», *izuki* «болеть, колоть, дергать (о нарыве)», *izumeru* «закапывать, зарывать».

Корневые варианты типа *krt-* (*kert-*) с инфиксами *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-* между теми же согласными компонентами: тюрк. *керт* (*кирт*) «зарубить; тесать; грызть; крошить», *қарти* (*қарчи*) «оцарапать, поранить» (узб.), *қартаға* «ястреб, коршун» (шор.), *қарча* тж (алт.), *қурч* «острый», *қарсақ* «лапа, когти» (хак.), *қыршаңқы* «чесотка» (каз.), *қалтақ* «палка; розги» (уйг.), *қырс* «мало, незначительно» (шор.), *қырсы* «стереть» (алт.), *қырсқыла* «ругать» (хак.), *қалтрақ* «колючки в колосьях» (узб.), *келтё* «короткий», *қалда* «ругать» (кирг.), *қалча* «ударить, фехтовать, побить» (кирг.), *қалжа* «кусоч, ломоть мяса» (тат.), *қомда* «гроб, могила» (хак., алт.), *қамчы* (*кам-жы*) «плеть, нагайка», *кент* «слегка зазубрить» (тур.), *қанжа* «крючок» (тур.), *ханч* «смертельная рана» (узб.), *орт* «делать прыжки» (каз.), *ылчы* «раздавливать, давить» (алт.); монг. *гарз* «ущерб, потеря, расход», *гэрээ* «лучина, освещение», *гэлтэлэх* «обламывать», *гэмтэх* «получить повреждение, увече», *гантах* «растрескаться, дать трещины», *хуц* «острый», *хэрчих* «крошить, разрубить на кусочки», *хэрчүүр* «нож», *хорсох* «гневаться; саднить, болеть», *харз* «полынья», *хүрз* «лопата», *хэлтчих* «подрубать, отламывать», *хомс* «мало, немного», *хумс* «ноготь», *хондий* «ущелье, дуло, полость», *арцаг* «спор», *арчих* «вытирать; очистить», *үрсэм* «ломоть», *үртэс* (*үрдэс*, *үлтэс*) «крупинка; лоскуток, обрезки», *илд* «меч; лишай», *эмтгий*

«зазубрина, щербина», *унтрах* «гаснуть», *анч* «охотник, ловец», *униш* «читать», *анжис(ан)* «плуг, соха»; калм. *курсы* «измельченный, мелко нарезанный», *хумсы* «ноготь, коготь»; фин. *karsia* «обрубить, обрезать», *karsta* «чесотка; чесалка», *koritea* (диал.) «смазать; обжигать», *kanto* «пень», *kynsi* «ноготь, коготь», *onsi (ontelo)* «полый; полость, дупло»; коми *карс* «лишай», *кырсь* «кора», *горс* «печурка; дупло; нора», *курччыны* «откусить, укусить», *срс.* (диал.) «плеть, кнут», *онджа* «борона, соха»; тунг.-маньчж. *курду* «жердь», *колмс-* «расколоть», *кэлтэ-* «отломать», *гулсакй* «косой», *хултэ-* «пробить», *хумтэ* «крошка», *кбнди* «ковш», *кэнтлэ-* «обломать», *кэнди* «дупло», *хенчил-* «разрушить», *хүндэ-* «бросить». В японском языке следы корневых вариантов этого типа не обнаружены.

Корневые варианты рассматриваемого этимологического комплекса с обратным порядком следования согласных без огласовки (типа *tk-*, *sk-*) в урало-алтайских языках последовательно упростились, потеряв свой начальный переднеязычный согласный компонент. В результате этого такие варианты сохранились здесь только в виде одногласных, как правило, усложненных распространителями, корней с заднеязычными типа тюрк. *қайа* «скала», *қайау* «щель в посудине, зазубрина», *қый* «берег; обрезать; разрубить; заострить», *қуйи* «колодец» (аз.); монг. *гав* «щель, трещина», *хавах* «простегивать, прошивать», *хавирах* «точить, острить», *хавцал* «ущелье», *хайраг* «оселок, точильный камень», *хайч* «щипцы; ножницы»; фин. *kaivaa* «копать, рыть», *kaivo* «колодец», *kajota* «трогать, прикасаться», *kivi* «камень», *koja* «кора», *kuiri* «ложка; лодка», *kuolla* «умирать»; коми *кайт* «нора, норка», *кой* «деревянная лопатка», *ку* «шкура, мех, кожа», *кы* «ость, усик»; тунг.-маньчж. *қава* «клык», *кавъл-* «сломать», *кажик* «ножницы», *кува-* «строгать», *кувур-* «продырявить», *кэвдэ-тж.*, *гив-* «выбивать», *гојо-* «ранить», *ғу-* «резать», *гујә-* «бодать», *кэјээн* «оспа», *хаја-* «бросать», *хојр* «исцарапав», *хувала-* «разбивать», *хувара-* «напильник», *хэохэ* «жниво», *хаварй-* «воткнуть», *хавулга-* «отесать», *хайјп-* «сломаться», *хүйә-* «точить», *хуву-* «пилить», *хуйз* «рана»; нен. *хаводӓ(сь)* «проводить забой скота; убивать», *хай* «цель, мишень», *хой* «гора, хребет, холм»; яп. *kawa* «кожа; кора», *kawara* «черепица», *kewashii* «крутой, обрывистый», *kiwa* «край, конец, бортик», *koware* «поломка; обломки, осколки», *kauii* «зудящий; зудит, чешется», *iwa* «скала, риф». Эти и многочисленные другие подобные им корневые образования урало-алтайских языков генетически однотипны с индоевропейскими корнями на заднеязычный с отсутствующим начальным беглым *s-* (прасл. *kora* и т. п.), но урало-алтайские корни не имеют вариантов с начальным *s-* и т. п. (типа прасл. *skora*), и поэтому их идентификация как вариантов корней типа *ket-*, *kes-* и т. д. требует большей осторожности.

Принадлежащие к рассматриваемой семантической сфере корневые варианты типа *tek-*, *tak-*, *sek-*, *sak-* и т. д. с обратным порядком следования согласных и с различными корневыми гласными представлены во всех группах урало-алтайских языков. Ср. тюрк. *тақа* «подкова», *тақар* «большая игла» (узб.), *тағы* «разломать, выломать» (алт.), *тақнай* «щепка», *тоқу* «ткать», *тоқма* «кистень» (тат.), *тық* «воткнуть», *тик* «уколоть,шить; крутой», *тег* «касаться, трогать; нападать», *тегенек* «терновник; палка», *төг* (дөг) «бить», *төген* «гора, холм» (узб.), *тағ* «гора», *тағыл* «клин» (шор.), *тегек* «крюк» (алт.), *тоғы* «стучать, ударять» (уйг.), *тығын* «пронзить, разрезать» (алт.), *тоғуш* «борьба, сражение» (уйг.), *доқуш* «столкновение, битва» (тур.), *доғра* (тоғра) «разрезать на мелкие куски; крошить; разрубить», *дөкөт* «маленькие ножницы; большой кухонный нож» (каз.), *дикен* «шип, игла, жало», *дикел* «заступ, мотыга» (тур.), *сек* «ска-

каты, быстро ходить; труп животного, падалъ» (алт.), *соҕ* «бить, убивать, резать, колоть», *сокка* «ступка» (каз.), *сөк* «разделять, рассекать, разрезать, распороть, срывать», *сыҕа* «канавка для орошения» (узб.), *сағыт* «оружие» (кыпч.), *соғыш* (*суғыш*) «биение, драка», *сығыс* «клин» (алт.), *суғу* «тканье» (тат.), *чаҕ* «время; ударить, уколоть, выстрелить», *чақан* «боевой топор» (узб.), *чақыл* «песок, камешек» (тур.), *чоҕа* «счетные палочки» (уйг.), *чоғы* «клевать» (алт.), *чоғу* тж. (тур.), *шаҕ* «высекать, огонь; грызть; ужалить, укусить», *шуғу* «копаться, ковырять» (каз.), *шағайаҕ* (*шағыр*) «шершень» (шор.), *шағырда* «скрести, шаркать» (тат.), *тере* «гвоздь» (каз.), *түгөр* «заноза» (каз.); монг. *таг* «террасы в горе», *тагнуур* «борона, мотыга», *түгсэх* «молотить (зерно)», *тах* «подкова», *тагил* «жертвоприношение, жертва», *дэгдэ* «крюк, багор», *цаг* «время, час; часы», *цэгц* «острый», *цөгц* «чашка», *цогилт* «удар», *цогхо* «высокая скала», *цахих* «высекать», *цохълох* «клевать», *чилэх* «вонзать, прокалывать», *сэг* «падалъ (растерзанная)», *сах* «праща», *сахээ* «щель, дыра; дохлятина», *сүх* «топор», *загтнах* «зудеть, чесаться», *зөгий* «пчела», *захлах* «обрезать края», *зуух* «схватить зубами; укусить», *таах* «ударять кулаком»; калм. *тах* «подкова», *цокх* «бить; молотить», *сүх* «топор», *суһлх* «рвать»; фин. *takoa* «ковать, бить, ударять», *tikari* «кинжал», *tikata* «стегать, прошивать», *tikka* «дятел», *tikki* «заноза», *saha* «пила», *suka* «щетка, гребенка», *syksy* «осень», *sääksi* «коршун»; коми тогодны «трясти, трогать», *туган* «вершина», *сак* «пила-ножовка», *сугонь* «лук», *жуг-* «сломать, разбить»; тунг.-маньчж. *така* «подкова», *така-* «убить; съесть», *тико-* «умирать», *тикэ-* «трескаться», *токто-* «рубить», *тука-* «выдалбливать», *түка-* «ударять копытом», *туккуэ* «ущелье», *тэкэ-* «рвать», *тэкэуи* «мясо», *тагдй-* «вырвать», *тиүэ* «посуда», *тиүэ-* «шить», *тоғоһо* «гвоздь», *туүү* «палка», *дәҕавли* «острый», *дукй-* «писать», *дагари* «ссадина», *дэгэ* «крючок», *дүү-* «бить; долбить», *чикә-* «отрезать», *чйқәл-*

«оторвать», *чөк-* «копать», *чо һа* «войско», *чукчума* «острый», *сйҕ* «крюк»,

сакка «разрез», *саҕнй(н-)* «топор», *сикти-* «рубить», *сйктэ* «хвоя», *сукэ* «топор», *сигдэ* «мясо-филе», *сог'а* «оспа», *суггуди* «копье», *сүгдэ* «жертвоприношение», *суүүлэн* «мясо», *саһа* «дробь», *сиҕи-* «ковать», *сбҕа* «палка», *соҕин* «лягнуть», *сэҕй-* «срубать», *сиктэ* «короткий», *шақана-* «трескаться», *шуки-* «ударять»; ненецк. тахабта(сь) «разрушить, сломать, разбить, расколоть», *тахарă(сь)* «разрушиться, сломаться» и т. д., *тохо(сь)* «обглодать, обгрызть», *тохоця* «тряпка, лоскут», *сохо* «остроконечная сопка», *суху(сь)* «толкнуть», *сэхэ* «ложбина, овраг»; яп. *takane* «вершина», *take* «гора, пик», *toku (tokasu)* «расчесывать (волосы)», *toki* «время, подходящее время; час», *tokimono* «распарывание; тряпье», *tagane* «резец, зубило, чекан», *togari* «острие», *toге* «шип, колючка», *toги* «точить, шлифовать», *dokujin* «нож убийцы», *dokusho* «чтение», *tsuki* «удар, толчок, укол», *tsukigiri* «шило», *tsukinuku* «пробить, прострелить, проткнуть», *tsuki* «толочь, рушить; ударять, колоть», *chikuri* «уколоть, укусить, ужалить», *chigiri* «рвать; срывать, разрывать», *sakame* «зазубрина», *sakete* «трещина, щель, разрез; дыра», *saki* «острие, кончик, верхушка», *saki* «раскалывать, разрубать, разрезать, разделять, разрывать; борозда; обработка земли», *suki* «скважина, щель; лопата, заступ; плуг», *suki* «расчесывать (волосы); пахать», *sogi* «отрезать; заострять; срезать наискось; уменьшать», *shokuji* «еда».

Корневые варианты с инфиксами -r-, -l-, -m-, -n- типа *trk-*, *srk-*, *ilk-* и т. д., как и приведенные выше варианты с другой последовательностью согласных (*krt-*, *krs-* и т. д.), в различной степени сохранились во всех группах урало-алтайских языков. Ср.: тюрк. *тәрға* «чесать», *дарқан*

«кузнец», *дырқаз* «задвигка, запор» (тур.), *дүржүн* «раз» (каз.), *дарғаш* «враг» (узб.), *чиркей* «комар» (кирг.), *чурқа* «прыгать, стать на дыбы» (алт.), *чарха* (*чарқа*) «стычка, схватка», *жарқыншақ* «щепка, осколок камня, стекла» (каз.), *сырқау* (*сырғау*) «больной» (тат.), *сырғы* «жердь» (тат.), *сырғыт* «пустить стрелу» (каз.), *сүргү* «борона; задвигка двери; точильный камень; скобель; нож кожевника», *шеркек* «щетина» (алт.), *шырқа* «рана» (алт.), *талқан* (*талған*) «толокно», *талқыш* «кострика» (тат.), *талға* «разделить; жертва; разграбление» (узб., тат.), *чалқанчақ* «крапива» (алт.), *шалғанақ* тж. (шор.), *салғай* тж. (хак.), *чалғы* «коса, серп» (алт.), *чилған* «длинное копьё» (узб.), *жалға* «вырез» (каз.), *жылға* «овраг» (тат.), *салқан* «праща» (узб.), *салғу* тж. (уйг.), *шалғы* «горбуша, коса» (каз., шор.), *шилги* «вилы» (шор.), *тамға* «клеймо, печать; цель, мишень», *чимки* «кастрировать» (алт.), *чымғу* (*симғу*) «рубёц (шов)» (алт.), *сөңгү* «кинжал», *сөңгө* «копье» (тат.), *сүңгү* тж. (узб., кыпч., крым.), *шунқур* (*шукур*) «яма, углубление, впадина» (каз., тат.); монг. *торгох* «слегка пришить», *торгууль* «зацепка, крючок, пряжка», *торх* «бочка, кадушка», *дархлах* «кузнечить, плотничать», *дурган* «недостаток, изъян», *царга* «пулевая рана», *цоорхой* «дырявый, проколотый; дыра», *цоргих* «прожигать дыру», *сургааг* «жердь», *сэрх* «кастрированный козел», *зурхэй* «черта, линия, рисунок», *шарх* «рана, язва», *шоргоох* «чесаться, тереться» (о скоте), *толгой* «вершина, кусок», *тулгуур* «багор, шест», *түлхэх* «толкать», *цоолго* «прорубь; дыра», *чилчэх* «вырубить деревья и сушить», *салгах* «отрывать», *суулга* «бадя, ведро», *зүлгэх* «тереть, чистить; полировать, шлифовать», *шулгалах* «сдирать (кору, кожу)», *жалга* «ложбина, овраг», *тамга* «печать, клеймо», *чимхэх* «щипать», *зомгол* «стружка, щепка», *шужай* «остроконечный», *тонгорог* «перочинный нож, бритва», *төнгөх* (*түнгэх*) «выковыривать, делать выемку», *зангуу* «якорь», *жинхнэх* «болеть, ныть» (о зубах); калм. *толхо* «голова; курган, холм»; фин. *tyrkkiä* «толкать», *sorkkia* «копаться, ковырять», *särkeä* «ломать, разбивать; болеть», *telki* «засов, задвигка», *tilkku* «лоскуток, клочок», *salko* «шест, жердь», *tanko* (*tangon*) тж., *tonkia* «рыть(ся)», *tynkä* (*tyngän*) «кусок, обрезок; кончик; культиватор», *sanko* (*sangon*) «ведро», *sinkillä* «железная скоба, лапа, крюк», *sänki* (*sängen*) «жниво», *hanka* (<*šank-) «крючок; уключина», *hanko* «вилы»; коми *тиркӧдны* «трясти», *торк* «отрепки», *сарги* «расщеп», *шургыны* «швырнуть», *зӧркӧдны* «трясти», *тоньгыны* «ударить»; тунг.-маньчж. *тārқа* «тупиться», *торкулди* «бороться», *мурку* «попадать», *турга* «наткнуться», *дарги* «гарсун», *чиргэ* «долбить», *сурка* «клык», *сэргэ* «столб», *шорги* «прокалывать», *тилкэ* «выстрелить», *тэлгэ* «свежевать», *дэлжи* «раскалывать», *чилка* «толочь», *чолгон* «вершина», *чэлгэл* «сломать», *салкамча* «столб», *силгэ* «проколоть», *чймка* «жердь», *таңка* «кувшин», *тоңко* «напасть», *туңку(н)* «колотушка», *туңкэ* «толкать», *тэңки* «кидать», *таңг'а* «полировать», *таңгила* «стрелять», *түңга* «тяпка», *туңгала* «дотронуться», *туңги* «лук (оружие)», *чаңки* «убить (медведя)», *чоңки* «клевать», *чиңгэ* «палка», *чүңгү* «кусок», *чуңгун* (*шуңку*) «впадина», нен. *тарка(сь)* «впиться, вонзиться, застрять», *таркабта(сь)* «зацепить; вставить клин»; тирко «небольшая сопка», *сарк-та(сь)* «быть острым; торчать», *самгадă(сь)* «слегка провалиться», *тăңга* «окорок», *тынха* «тупой»; яп. *tsurugi* «меч», *tsuruhashi* «мотыга, кирка», *surikesu* «стирать (резинкой)», *surikizu* «ссадина, царапина», *somuku* «противоречить, восставать», *tongari* «острие, острый конец», *chongiru* «оттяпать, отрезать», *sengiri* «штопор», *shinka* «углубление», *zangai* «останки, остов, обломки», *zangō* «траншея, окоп».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
2. *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
3. *Trombetti A.* Elementi di glottologia. Bologna, 1923.
4. *Trombetti A.* L'unità d'origine del linguaggio. Bologna, 1905.
5. *Шухардт Г.* Происхождение языка // Шухардт Г. Избр. статьи по языкознанию. М., 1950. С. 73—112.
6. *Трубецкой Н. С.* Проблема родства между большими языковыми семьями // Трубецкой Н. С. Избр. труды по филологии. М., 1987. С. 60—61.
7. *Hirt H.* Indogermanische Grammatik. Tl I. Heidelberg, 1927.
8. *Swadesh M.* The problem of consonantal doublets in Indo-European // Word. 1970. V. 26. N 1.
9. *Майзель С. С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
10. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд. М., 1986.
11. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
12. *Burrow T., Eeneau M. B.* Dravidian etymological dictionary. Oxford. 1961.
13. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — K). М., 1971.
14. *Karstien H.* Infixe im Indogermanischen, Heidelberg, 1971.
15. *Мельничук А. С.* О генезисе индоевропейского вокализма // ВЯ. 1979. № 5, 6.
16. *Дьяконов И. М. и др.* Общеафризийская фонологическая система // Африканское историческое языкознание. М., 1987.
17. *Мельничук А. С.* О сущности беглого s- // Этимология. 1984. М., 1986.
18. *Мельничук А. С.* Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968.
19. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.* Л. Т. I. 1975; Т. II. 1977.

(Окончание следует)